

Историческая культурология

DOI 10.34685/ИИ.2022.83.86.013

Кокшенёва К.А.

Об искренности и смелости психологического приёма:

Ап. Григорьев и Н. Страхов читают Льва Толстого

Статья 1

***Аннотация.** В культурологической парадигме Н.Н. Страхова важное место занимает понимание особенной художественной новизны, связанной с творчеством Льва Николаевича Толстого. Статьи Страхова о Толстом требуют, с одной стороны, увидеть связь направления его критического мышления с тем, что писал Ап. Григорьев, а с другой стороны – страховская культурная аналитика именно в размышлениях о Л.Н. Толстом развивает категорию «правдивости» и «совершенной правдивости».**

***Ключевые слова:** Аполлон Григорьев, Николай Страхов, Лев Толстой, русская критика.*

Новая школа русской критики выростала вместе с национальной литературой – вместе с Пушкиным («солнечным центром русской истории»), выше которого быть нельзя [1, 397], вместе с Гоголем и Тургеневым, Писемским и Островским, Достоевским и Толстым.

Но и Ап. Григорьев (1822-1864), и Николай Страхов (1828-1896), будучи родоначальниками русской национальной философии, не могли отделить от собственного философского творчества свою литературную критику, которая хоть и имела отдельный круг задач, но источником своим полагала одно – духовную личность Григорьева или Страхова. Григорьевская «органическая критика», метод его критики – это «цельный, непосредственный и сжатый синтез **новых отношений мысли к жизни**, который дается **таинственным откровением великой, художественной силы**» (Выделено мной. – К.К.) [2]. «Органическая критика» больше, после исследования Н.П. Ильина, не требует дополнительных доказательств того, что она одновременно «знаменует, по существу дела, рождение русской национальной философии» [3].

В 1876 году Н.Н. Страхов издает за свой счет первый том «Сочинений Аполлона Григорьева», в котором помещает главные его философско-критические работы. И это издание оставалось

единственным (до 1915 г.) собранным в книгу наследием Григорьева-критика, как и критиком-наследником его в литературе, был, в сущности, **один Страхов**, которого Григорьев не только называл в письмах «*мой всепонимающий философ*», «*милый Спиноза*», «*маловерный пророк*», «*мой философ*», но был уверен, что кроме Страхова «в настоящую минуту и писать здраво некому» [4]. Он, чувствуя себя всё чаще и чаще «ненужным человеком» [5], в конце своей недолгой жизни будто буквально вручает дело русской критики Николаю Николаевичу Страхову.

Писать здраво, тут прав Григорьев, Николай Страхов умел. Умел настолько, что современным исследователям взгляды критика кажутся **одновременно** рациональными и антирациональными [6]. Причём о Страхове теперь говорится в точь так, как и о «методе Григорьева» – страховский антирационализм выражается в «пассивной роли» разума «перед лицом **общежизненных стихий**» (Выделено мной. – К.К.) [6, 18], а в доказательство приводится такая мысль критика: «Вы ведь, – обращается Страхов к просветителям, рационалистам, «теоретикам», как он их называл, – и им (земледелец. – Н.С.) вертите в ваших мечтах как попало. Вы вообразили, что оно совершенно в вашей власти, что стоит *вздумать* — и оно процветет; а если не процветает, так это оттого, что не вздумано» [7]. На самом-то деле, речь у Страхова-критика идет не о неких «просветителях», а о Чернышевском, мыслительные приемы которого (**вслед за Григорьевым!**) он называет **«теоретическими»**. Это они, «теоретики», полагают возможным «по-своему распорядиться явлениями всемирной умственной жизни» с целями **практическими** (отсюда требование Чернышевского и к философам заниматься земледелием!). Этот положительный, ограниченный практицизм и его «особенный характер» – «бесплодные вопросы», «непроизводительная трата мыслей» – Страхову глубоко чужды (даже **«отталкивающие»**). «Что за тасование всех предметов, – спрашивает он, – что за самовольное хозяйничанье со всем, что ни попадет: с русскою литературою, с гениальными людьми, с земледелием?» [7] Совсем не о страховском антирационализме говорит приведённая современным исследователем цитата – напротив, о глубоком и последовательном мышлении Страхова, которое живую реальность не подгоняет под заранее установленную «теоретическую идею». А тремя годами прежде Страхова о той же проблеме – о «теоретической критике», о технике её приёмов говорил Ап. Григорьев: «Во всякой произвольной теории, как бы безотраднa она ни была, есть своя увлекающая сторона; неправда её и крайние её последствия обнаруживаются уже после. Первые теоретики и первые прозелиты теории обыкновенно суть люди самообманывающиеся, пламенно стремящиеся к идеалу и сами не видящие крайних граней своей мысли: в деятельности их увлекает других их натура, их даровитость, их убеждение. Слабости теории обнаруживаются уже тогда, когда пламенные поборники замолкли, когда остались одни нагие результаты, лишённые того живого и безграничного, что жило, что горело в даровитой и могучей натуре, что ослепляло своим ярким блеском и влекло за собою сочувствия массы. Тогда начинается реакция жизни против теории» [2]. Конечно, даровитыми (в конкретном григорьевском смысле) были и Белинский, и Добролюбов. Но вот в Чернышевском, пожалуй, Страхов уже наблюдал «реакцию жизни» и «нагие результаты» теории пользы.

Пока Добролюбов мечтательно вопрошал «Когда же придёт настоящий день?», в дне современном разглядев лишь «тёмное царство» [8]; пока Чернышевский мучился сам и мучил других вопросом о нежелании гениев заниматься проблемами «усовершенствования земледелия», – Аполлон Григорьев присматривается к «хранительному началу жизни», весь направлен к «**сознанию** вечных требований души» [2], а Страхов «**внутренний вопрос души, уяснение идеала душевной красоты**» ставит во главу угла, когда начинает писать о «Войне и мире» Льва Толстого. Но, собственно, и в сочинения Тургенева с Писемским он «**внимательно** вглядывался», размышляя о «боли и радости русской души», в которой «отразилась и наша всегдашняя сущность, и та минута, которую эта сущность переживает в ходе нашей истории» (Здесь и далее выделено мной. – К.К.) [9, 233].

Понимающая художественная критика Григорьева и Страхова обладает огромным потенциалом для современности – критика в том роде как её понимали и как её создавали критики-классики сегодня практически исчезла. Журналистика уничтожает критику. Сама критика служит «злой минуте» – пиару, а значит, совершенно не умеет видеть художественное произведение с позиции вечности, не умеет выйти на большой простор мысли и чувства, а потому и человеческая душа больше её не интересуется как нечто актуальное. Но всё это не отменяет, а, напротив, заставляет нас внимательно отнестись к тому, что большинству наших современников известно понаслышке как «органическая критика» Григорьева и «философская критика» Страхова. «*Мыслитель и художник*, – пишет Н.П. Ильин, – являются *творцами* в равной степени – это убеждение составляет краеугольный камень органической критики» [3]. Собственно, критика Аполлона Григорьева была буквально новой, что было понятно уже в начале XX столетия и не всегда понятно сейчас [10]; но линию формирования критической традиции от Григорьева к Страхову современные исследователи отчетливо видят [11].

* * *

Культурная личность критиков создавалась ими самими в процессе собственного аналитически-литературного и философского творчества. «...Нужна прочная основа – определенность взгляда и борьба за взгляд», – писал Григорьев 21 декабря 1861 Страхову. Свою собственную «борьбу за взгляд», несмотря на стремительно нарастающее чувство ненужности и печального, за несколько дней до смерти признания («Я был уволен от критики»), – свою собственную «борьбу за взгляд», что «руководит жизнь единое творчество, этот живой фокус высших законов самой жизни» [2] он проведёт последовательно и до конца.

Первая и вторая статьи Григорьева «Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Граф Л. Толстой и его сочинения» были напечатаны в № 1 и 9 журнала Достоевских «Время» за 1862 г. Собственно, Григорьев умрёт до того, как будут написаны главные сочинения Л.Н. Толстого – «Война и мир» и роман «из современной жизни» «Анна Каренина» (1873, последняя часть опубликована в 1877). Григорьев сразу определил задачу своей критики как сложно-философскую: критик должен ни много ни мало как уловить «**личность** таланта»,

разъяснить **«существо таланта»**, причем это «существо» связано не с «общественным значением концепций», не с внешними признаками (широтой, яркостью), но отличающимся «преимущественно своими внутренними силами» [12]. Нелегкость (то есть трудность) критики как раз состоит в некоторой даже обязательности самой критике (критику) встать в такое отношение к таланту («живым, органическим, художественным произведениям»), чтобы быть *вровень ему*. Для таланта (гения) нет закона в смысле открытия новых миров, а потому сам критик должен «иметь много веры в душе, – веры в правду явления и веры в самого себя» [12]. Но что же такое эта григорьевская *«вера в правду явления»*?

«Вера» у Григорьева – совсем не слепа, а напротив, зряча, если правду способна увидеть. «Органическая вера» есть тоже «приём» *познающего* критика – она в *самом критике* является «органическим продуктом души человеческой»; она сама способна меняться, развиваться (углубляться). Как вера «работает» в душе критика, он и явил в своих статьях.

Чем меньше *личности* таланта в произведении, тем проще критику «размахнуться». С такими сочинениями, как «Полинька Сакс» А.В. Дружинина, развивающего модные мотивы модного романа Жорж Санд «Жак» (1843), или романом «Подводный камень» (1860) либерального («передового») писателя М.В. Авдеева, «пишущего со второй руки» [13], – с такими сочинениями Григорьев расправляется с чудесной точностью, отметив *«холодную ходульность»* первого и *«животненность парадокса»* второго. Казалось бы, и эти авторы пишут **о том же**, что и Толстой в «Семейном счастье», – о женской натуре, о семейных отношениях, но критическая интуиция Григорьева, выверенная зрячей, *познающей верой*, *«головною мыслью с корнями в сердце»* позволила ему уже в этом, раннем Толстом увидеть то, что было *новым* у самого Толстого и стало творческим открытием критика, определившим *взгляд* на творчество писателя на столетие вперед.

Присутствие в живом и **органическом произведении поэзии и лиризма** (как свойств «действительно-поэтических миров») Григорьев давно счел за обязательные – еще в своих «пушкинских статьях». Он не будет говорить об этом сейчас, в статьях о Толстом, но он сразу попадёт в самый центр толстовских открытий, очень крепко сбивая мысль «в масло»: «Толстой прежде всего кинулся всем в глаза своим **беспощаднейшим анализом душевных движений**, своею **неумолимой враждою ко всякой фальши**, как бы она тонко развита ни была и в чём бы она ни встретила» [12].

Страхов уже в первой своей статье о Толстом 1866 года, опираясь на открытия Григорьева, говорит о том же, подчёркивая **известность** сказанного: «Толстой каждому, конечно, известен, как большой мастер в анализе **душевных явлений**. <...> этот анализ постоянно имеет в виду **совершенную правдивость, постоянно вооружен против всякой фальши** <...> Наш художник как будто прежде всего **боится власть в обман**, прежде чувствует недостаток истинной красоты, вообще истинного содержания в окружающих его явлениях и потому постоянно настороже, постоянно озабочен и затруднен и думает уже не о красоте, а только **о правдивости**,

о том, чтоб самому *как-нибудь не сфальшивить*, не принять миража за действительность» (Выделено мной. – К.К.) [9, 238-239].

Но, собственно, каким образом совершается этот толстовский анализ, позволяющий Страхову быть уверенным в том, что перед нами не просто «преобладающая черта» таланта Льва Николаевича, не просто его личная художественная потребность давать создаваемым им образам *полноту*, но нечто большее, говорящее о какой-то такой *потребности* в душе художника, которая *больше* его стремления «создавать образы»?

Отвечать на эти вопросы, поставленные критиком Страховым, мы начнем от «истока», то есть от возвращения к Аполлону Григорьеву.

Григорьев же говорит, что Толстой сразу выдался как писатель необыкновенно **оригинальный смелостью психологического приёма**. Он первый **посмел говорить вслух**, печатно **о таких душевных дрязгах**, о которых до него все молчали, и **притом с такою наивностью, которую только высокая любовь к правде жизни и к нравственной чистоте внутреннего мира отличает от наглости**. Этот приём изобличал в художнике и **возвышенную искренность натуры**, и бесспорно-гениальное **чутьё жизни**. Едва ли что подобное искренности этого приёма найдется в каком другом писателе, даже из писателей чужеземных», не говоря уже, об отечественных Авдеевых [15] (Выделено мной. – К.К.) [12].

«Душевные дрязги», безусловно, можно понимать очень по-разному. И они, конечно, были известны литературе и до Толстого. Сам Толстой смолоду в некотором роде был погружен в них, когда прочитал двадцать томов просветителя Руссо (1712–1778), которого он боготворил настолько, что носил на шее вместо креста медальон с его изображением [16]. Именно «Исповедь» и «Эмиль» Руссо произвели самое сильное впечатление на молодого Толстого. *Исповедь* как существенная часть церковного таинства покаяния именно Руссо впервые выведена за пределы христианского и догматического понимания. Тайное в исповеди вынесено на показ и публичное разглядывание. Руссо наслаждается собой – Руссо начинает «дело беспримерное», показывая человека «во всей правде его природы». Руссо «обнажает душу», не боясь презренного и низкого, не боясь патологических черт этой самой «правды природы» [17, 170]. Не случайно социолог Макс Вебер (1864–1920) считал «Исповедь» Руссо «идеальным типом» в качестве *клинического документа* эпохи [18, 144].

Руссо вводит моду на «искренность», «искреннюю правду» и «исповедальность». А. Жид, Э. де Мюссе, М. Пруст, П. Верлен продолжают дело, начатое французским просветителем. Строго говоря, сочинения Руссо были вполне соблазнительны [19]. Особенно для юноши. В незаконченной повести Толстого «Мать» есть герои, которым писатель «передает» то, что ему самому, считают исследователи, было присуще. О своей героине Толстой пишет: «...Знал я её отвращение ко всякому лицемерию и фарисейству. Она была **человек сердца**, а по уму совершенный скептик» (Выделено мной. – К.К.) [Там же]. О другом герое, Петре Никифоровиче, писателем прямо говорится, что тот был «человеком того же склада ума», что и Руссо (что и сам

Толстой, может добавить мы): «Мы говорили <...> о его взглядах на жизнь, которые я знал и разделял в то время. Он был – не сказать поклонник Руссо, хотя знал и любил его, но был человеком того же склада ума. Это был человек такой, какими мы представляем себе древних мудрецов. При этом с кротостью и смирением бессознательного христианства. Он был уверен, что он терпеть не может христианского учения, а между тем вся его жизнь была самоотвержением. Ему, очевидно, было скучно жить, если он не мог чем-нибудь жертвовать для кого-нибудь и жертвовать так, чтобы ему было трудно и больно. Только тогда он был доволен» [Там же]. Однажды вырвавшись из-под опеки Церкви, «исповедь», конечно, зажила своей собственной «творческой» жизнью, настаивая на *непосредственности чувства*, которое доминирует над разумом, понимая историю души как «*цепь переживаний*», вызванных последовательностью тех или иных событий. «Человек сердца» для Толстого идеал. Тут не вопрос «влияния», ту дело в том, что *влияние* ложилось на готовую почву – то есть в личности самого Толстого уже было то стремление «жить сердцем», что проповедовал Руссо.

Но «предельная искренность» может быть вполне патологической, о чем говорят те эпатажные фрагменты «нового слова» Руссо, описывающие страсти. Григорьев хотя и не вспоминает Руссо, но «душевных дрызгах» в произведениях Толстого говорит особым образом: «психологический приём» писателя держится на *наивности, высокой любви, нравственной чистоте и искренности природы* (то есть, он всё же не совпадает на данном этапе творчества Толстого с приёмом Руссо).

Сегодня, когда деятели культуры, устав от постмодернистских моделей, вновь заговорили о «новой искренности», например, в социально и документально ориентированной драматургии, размышления Григорьева не просто не утратили актуальности, но в некотором роде показывают, как уменьшился объём наших размышлений в сравнении с ним. Во-первых, Григорьев предлагает подумать о «последствиях» нового психологического приёма. Искренность может быть наивной. Но исключает ли это, что в «ней» есть тоже своего рода надломленность и тронутость? – спрашивает критик. В градациях Григорьева «искренность» бывает *беспощадной, несомненной, «до цинизма смелой»* (у Писемского) или *простой*, и не заботящейся представлять публике самоё себя (у Островского) [14].

Искренность у Толстого, имеющая свои *психологические задачи*, свой *психический анализ* и свои *нравственные результаты*, противоположна духу того направления («теоретического», представленного «Современником»), в котором появились произведения «Люцерн», «Альберт», «Семейное счастье». И Григорьев берётся за эту сложную задачу – показать особенности «искренности» как приёма психологического анализа у Толстого. Открытие критика, собственно, состояло в том, что в *искренности* художника-Толстого помимо источника личностного есть и другой – это **«исторические данные общего нашего развития»** [12]. Ни критику «теоретического направления», с её узким горизонтом «не щадить ... нашу несостоятельность», «неуклонно и беспощадно» требовать «дела», когда «все то, что не *дело* или что кажется ему не *делом* – отрицать без малейшего колебания»; ни критику эстетического направления

(«литературным гастрономам» – по иронически-точному определению Григорьева) **нет дела до литературы «как силы живой жизни»!** [Там же] То есть, «в сложном механизме души человеческой» нет тех пружин, что узаконили бы *поэзию* в «шахматной игре».

Сегодня, конечно, критики могут найти «поэзию» где угодно – так бесконечно расширилось представление о том, что есть эстетика. Григорьевское же требование отделить смену вкусов и литературных мод (сегодня *литература* – Пушкин и Шекспир, завтра – «Постоялый двор» г-на Степанова или романы Анны Радклиф [20]) от литературы, «имеющих силу и жизненность направлений» [14]. Третьим направлением, которое тоже не удовлетворяет григорьевской «силе жизни», он называет славянофильство. С легкостью гения он вводит важнейший философский критерий – **самосуцное** явление. Славянофильство, как и прочие направление, имеет для него *подчиненный*, но не самосуцный характер. То, что для Григорьева и есть *наша литература* (Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Островский и теперь Толстой), не вписывается в славянофильскую концепцию, носители которой «чуть-чуть» не положили «всю русскую литературу к подножию “Семейной хроники”» С.Т. Аксакова. И только г-жа Кохановская *безусловно* принимается славянофилами. «Мерка теории» сближает решительным образом Хомякова с Чернышевским, И. Аксакова с Добролюбовым, поскольку они все «кладут жизнь на Прокрустово ложе» и имеют «готовые формы для своего идеала» [Там же]. Правда, славянофильский идеал все же, говорит Григорьев, завещан «вековыми преданиями»; но зато «теоретики» – «господа положения», они «передовые» и потому, что «теоретический взгляд, **силой своего отрицания, вполне русский. Не вся сущность** русского, т. е. русской жизни, захвачена взглядом теоретиков, но зато уже **одна сторона**, отрицательная, вполне им **исчерпывается**» (Выделено мной. – К.К.) [12]. «Вековые предания славянофилов» будут проигрывать ясности целей демократических прогрессистов потому, что последний (передовой взгляд) «кладёт всем в рот жёваную и пережёванную пищу, не требует никаких усилий мышления, даже *отучает* мыслить, даже постоянно смеется над всякими усилиями мышления, а массе разумеется это и на руку» [Там же].

Григорьев всё бьётся и бьётся вокруг мысли о **ценности жизни** в литературе. Как жизнь имеет «органические законы», так и литература – это органическое выражение органической жизни. «Теоретический взгляд» жизнь презирает, но обладая «практической сметкой», «он с необыкновенной ловкостью подлаживает, подстраивает под свой тон все знаменательные их явления» [Там же]. Не трудно читателю тут вспомнить, как Добролюбов взял Островского на вооружение, затвердив взгляд на купеческий мир его героев как исключительно на «тёмное царство». «Теоретики», – говорит Григорьев, – «видят и заставляют других видеть только то, что им надобно в знаменательных явлениях жизни и литературы» [Там же], а славянофилы, всё меряя своим высоким идеалом, объявляют «гнилью» всё то, что в литературе и народной жизни не равняется этому идеалу. Выводы Григорьева, безусловно, носят психолого-философский характер, поскольку центр «взгляда» располагает непосредственно в самом человеке, внутри его личности, даже если эта личность полагает, что сама всё измеряет некой «объективной меркой» правды жизни (Добролюбов, Чернышевский, Писарев).

Зачем в статье, посвященной Толстому, Григорьев так часто «отвлекается», переходя к характеристике разных направлений в современной ему критике и литературе? Появление нового имени среди современной Григорьеву литературы – писателя Л.Н. Толстого, в котором критик чутко угадал русский тип таланта – появление нового художественного имени требовало, безусловно, от критика честного обращения с ним, то есть понимания того, что стоит за новым психологическим приёмом искренности и смелости. Новизну мысли Григорьева сразу и остро почувствует Страхов – подхватит её и разовьёт.

* «Об искренности и смелости психологического приёма: Ап. Григорьев и Н. Страхов читают Льва Толстого» – первая статья цикла. Статья вторая планируется к печати в 2023 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Калягин Н.И.* Чтение о русской поэзии. – СПб.: Алетейя, 2021. – 896 с. Автор доказывает, что в Пушкине «естественный предел достигнут»: «"В смысле предела возможности" искусство действительно обрывается на Пушкине. Естественный предел достигнут. "Выше Пушкина" дороги нет. Лучшие наши писатели понимали это лучше других – и потому уходили в сторону, ступали на «тропинки, топкие, всё суживающиеся...»

[2] *Ап. Григорьев.* Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства (1858). – Url: <http://grigoryev.lit-info.ru/grigoryev/kritika-grigorev/kriticheskij-vzglyad-na-osnovy.htm> (дата обращения: 03.03.2022).

[3] В «Трагедии русской философии» Н.П. Ильина философскому творчеству Ап. Григорьева и Н.Н.Страхова отведены отдельные главы. В частности, о Григорьеве он пишет: «Органическая критика» знаменует, по существу дела, рождение русской национальной философии, то есть, в силу сказанного ранее, рождение способной к самостоятельному развитию национально-философской программы. Но способ развития в философии – о философский метод познания». – Url: <http://www.hrono.ru/proekty/metafizik/fk22gri.php> (дата обращения: 11.04.2022). См. также: *Ильин Н.П.* Трагедия русской философии. – М.: Айрис-Пресс, 2008. – 607 с.

[4] Письмо Григорьева от 19 октября 1861 года завершалось так: «А ты себе пиши и пиши "ничтоже сумняся". Кроме тебя в настоящую минуту и писать здраво некому». См.: Письма Аполлона Григорьева к Н.Н.Страхову. – Url: <http://grigoryev.lit-info.ru/grigoryev/pisma/index.htm> (дата обращения: 24.02.2022).

[5] Статья Григорьева «По поводу статьи "О постепенном, но быстром и повсеместном распространении невежества и безграмотности в российской словесности. (Из заметок ненужного человека)"» (Время. 1861. № 3.) была подписана «Ненужным человеком». Другие статьи критика с подписью «Ненужный человек» были напечатаны в собственном журнале «Якорь» и в «Осе». В Письмах к Н.Н. Страхову он говорит: «Что мы на время ненужные люди, это надобно переварить»; «Я удрал из Петербурга, потому что там я был абсолютно ненужным человеком»; «Может быть, ты один, – узнавши меня в последнее время достаточно, понимаешь, что причины более глубокие, чем личные невзгоды и разочарование, заставили меня осудить себя на добровольную ссылку, что главная вина, *causa causalis* моего решения была – сознание своей ненужности. В сознании этом много, коли ты хочешь, и гордости. Я дошел до глубокого презрения к литературе

Прогресса. Да иначе и быть не могло. Искатель абсолютного, – я столь же мало понимаю рабство перед минутой, рабство демагогическое, как рабство перед деспотами». – Url: <http://grigoryev.lit-info.ru/grigoryev/pisma/index.htm> (дата обращения: 20.02.2022).

[6] См.: Вступительная статья Н.Н. Скатова. Н.Н.Страхов (1828–1896) в кн.: *Страхов Н.Н.* Литературная критика. – М., 1984. – С. 5–43.

[7] Цит. по: *Страхов Н.* Литературные законодатели. Письмо в редакцию «Времени», по поводу статьи: «Литературные рабочие» (Современник. N 10) «Время», N 11, 1861. – В кн.: *Страхов Н.Н.* Из истории литературного нигилизма: 1861-1865. – Пб., 1890. – С. 99. – Url: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_05_1861_nigilizm_oldorfo.shtml (дата обращения: 12.05.2022).

[8] Статья Н. Добролюбова была опубликована в 1860 году в журнале «Современник», 1860, N III под названием «Новая повесть г. Тургенева» («Накануне», повесть И.С. Тургенева, «Русский вестник», 1860, N 1-2). Критик выдвинул против «эстетической критики» факты жизни («Эстетическая критика сделалась теперь принадлежностью чувствительных барышень». – Url: http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0190.shtml (дата обращения: 23.04.2022).

[9] *Страхов Н.Н.* Сочинения графа Л.Н. Толстого. Война и мир. Сочинение графа Л. Н. Толстого. Томы I, II, III и IV. *Статья первая*; Война и мир. Сочинение графа Л. Н. Толстого. Томы I, II, III и IV. *Статья вторая и последняя*; Литературная новость. Война и мир. Сочинение гр. Л. Н. Толстого. Томы V и VI. – В кн.: *Страхов Н.Н.* Литературная критика. – М., 1974. – 431 с.

[10] Леонид Гроссман. Основатель новой критики. – Url: <http://grigoryev.lit-info.ru/grigoryev/kritika/grossman-osnovatel-novoj-kritiki.htm> (дата обращения: 04.03.2022).

[11] *Раковская Н.М.* Н. Страхов и Ап. Григорьев. К проблеме творческих взаимосвязей / Н.М. Раковская // Література в контексті культури : зб. наук. пр. / Дніпропетровс. нац. ун-т ; відп. ред. В.А. Гусев. – Київ, 2016. – Вип. 27. – С. 237-242. – Url: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/23218/1/Rakovskaya_Strakhov_Grigorev.pdf (дата обращения: 15.02.2022).

[12] *Григорьев Ап.* Граф Л.Толстой и его сочинения: Статья первая: 1). Военные рассказы. 2). Детство и отрочество. 3). Юность, первая половина. 4). Записки маркера. 5). Метель. 6). Два гусара. 7). Встреча в отряде. 8). Люцерн. 9). Альберт. 10). Три смерти. 11). Семейное счастье.– Url: <http://grigoryev.lit-info.ru/grigoryev/kritika-grigorev/tolstoj.htm> (дата обращения: 15.03.2022).

[13] *Писемский А.Ф.* Подводный камень (Роман г.Авдеева). – Url: <https://libking.ru/books/prose-/prose-rus-classic/43012-aleksey-pisemskiy-podvodnyu-kamen-roman-g-avdeeva.html> (дата обращения: 10.03.2022).

Писемский считает, что Авдеев позаимствовал свои идеи и героев и у дружининской «Полиньке Сакс», и у герценовской повести «Кто виноват?»: «Да где же тут подражание или заимствования? – скажут нам. – Это совершенно новая и оригинальная вещь. Брачные и любовные отношения составляют одну из величайших социальных задач не только нашего времени, но и времен прошедших и будущих. Что же удивительного, если бы г. Авдеев, желая быть писателем своего времени, в выборе своего сюжета встретился не с двумя только, а с целую сотнею писателей? <...> В мыслительной способности г. Авдеева совершился процесс

такого рода: если любовь – чувство произвольное, столь же мало зависящее от нашей воли, как, например, ощущение голода, и если она – в высочайшей мере чувство законное, вследствие этой самой произвольности, то никакая санкция этого чувства не должна представлять для него никаких затруднений. Признавать за этой санкцией какие-нибудь обязанности и основывать на ней какие-нибудь требования так же неразумно, как желать, например, теплого снега или холодного огня; а не признавать за ней никаких обязанностей и стеснять себя ее условной важностью – значит поступить несколько не благоразумнее, чем поступают раскольники, известные под именем хлыстовцев, которые бичуют собственными руками свое тело для спасения будто бы души своей. Этим смелым выводом (продолжает наш воображаемый возражатель) г. Авдеев, может быть, кому-нибудь и обязан, только уж никак не тем произведениям, в подражании которым его обвиняют. Да и что значит самое это слово подражание? Последующий писатель есть законный наследник умственного капитала всех своих предшественников, наследник на том же самом праве, по которому он говорит на своем природном языке и, не беспокоясь об изобретении новых букв, пользуется употребительной в его отечестве азбукой. <...>Что сказать против такой апологии? Высказанные здесь мысли действительно принадлежат гениальному критику, и г.Авдеев, по сравнению с своими литературными предшественниками, на самом деле осмелился войти в самый ад».

[14] *Григорьев Ап.* Граф Толстой и его сочинения : Статья вторая: Литературная деятельность графа Л.Толстого. – Url: <http://grigoryev.lit-info.ru/grigoryev/kritika-grigorev/tolstoj-2.htm> (дата обращения: 26.04.2022).

[15] *Авдеев М.В.* Подводный камень : Роман / Авдеев Михаил Васильевич. – Url: http://az.lib.ru/a/awdeew_m_w/text_1860_podvodny_kamen.shtml (дата обращения: 04.04.2022).

[16] См.: *Гусев Н. Н.* Толстой в молодости: Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. – (М., 1954. – С. 136.): «Руссо был моим учителем с 15 лет. В моей жизни было два великих и благотворных влияния: Руссо и Евангелия. Руссо не стареется. Совсем недавно мне случилось перечитать некоторые из его произведений, и я испытал то же самое чувство возвышения и удивления, которые я испытал, читая его в первой молодости... Я прочел всего Руссо, все 20 томов, включая «Музыкальный словарь». Я более, чем восхищался им – я боготворил его. В 15 лет я вместо креста носил медальон с его портретом. Многие страницы его так близки мне, что мне кажется, я сам написал их». – Цит. по: Url: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/bio/gusev-materialy-1855-1869/v-peterburge-v-redakcii-sovremennika.htm> (дата обращения: 10.02.2022).

[17] Руссо написал свою «Исповедь», когда ему было 57 лет, Толстой – в 64 года. См.: *Руссо Ж.-Ж.* Исповедь // *Руссо Ж.-Ж.* Избранное : пер. с фр. – М., 1976. –190 с.

[18] *Вебер М.* Избранные произведения. – М., 1990. – 808 с.

[19] На это указала А.Н. Полосина. См.: *Полосина А.Н.* Руссоизм Л.Н.Толстого // Литературоведческий журнал. № 28: Материалы III Междунар. симп. «Русская словесность в мировом культурном контексте» (М.: ИНИОН, 2011. – 344 с.). – Url: <https://culture.wikireading.ru/83095> (дата обращения: 17.04.2022. См. также: *Хабермас Ю.* Понятие индивидуальности // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – Url: <https://pandia.org/text/80/201/35206.php> (дата обращения: 10.04.2022).

[20] Речь идет о критике Дружинине А.В. и его статье 1857 г. «Александр Петрович Степанов, автор «Постоялого двора». – Url: <http://druzhinin.lit-info.ru/druzhinin/kritika-druzhinin/stepanov-avtor-postoyalogo-dvora.htm> (дата обращения: 17.05.2022).

Анна Радклиф (1764-1823), родоначальница готического романа с сентиментальным влиянием, её романы в России переводились, но было и множество подражателей им, издающих свои сочинения под её именем. Современные исследователи полагают, что суггестивная техника, ей использованная, позволяет говорить о влиянии Рэдклиф на литературу вплоть до начала XXI века в детективе, новелле, триллере и получила обозначение "suspense" (неизвестность, неопределенность, тревога ожидания). См.: *Луков В.Л.* Принцип суггестии: Рэдклиф в сравнении с Уолполом». – Url: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/4/Lukov_Suggestion-Radcliffe-Walpole/ (дата обращения: 17.05.2022).

Кокшенева Капитолина Антоновна,

доктор филологических наук, кандидат искусствоведения,
руководитель Центра наследования русской культуры,
Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия им. Д.С.Лихачева (Москва)
Email: info@heritage-institute.ru

Koksheneva K.

About the sincerity and courage of the psychological method:

Ap. Grigoriev and N. Strakhov read Leo Tolstoy

Article 1st

Abstract. *In the cultural paradigm of N.N. Strakhov, an important place is occupied by the understanding of the special artistic novelty associated with the work of Leo Tolstoy. Strakhov's articles about Tolstoy require, on the one hand, to see the connection of the direction of his critical thinking with what A. Grigoriev wrote, and on the other hand, Strakhov's cultural analytics develops the category of "truthfulness" and "perfect truthfulness" in thinking about L.N. Tolstoy.*

Key words: *Apollon Grigoriev, Nikolai Strakhov, Leo Tolstoy, Russian criticism.*

Koksheneva Kapitalina Antonovna,

D. in Philology,
Russian Scientific Research Institute for Cultural and Natural Heritage
named after D.Likhachev (Moscow)

© Кокшенева К.А., 2022.

Статья поступила в редакцию 10.08.2022.

Публикуется в авторской редакции.

URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/595.html&j_id=53